Прозументов Л.М., Сутурин М.А.♦

Лишение свободы в отношении несовершеннолетних в ракурсе реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года

Аннотация: Рассматриваются актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в аспекте реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Представлена и проанализирована статистическая информация Федеральной службы государственной статистики о регистрируемой преступности несовершеннолетних. Обозначены объективные критерии статистического снижения рассматриваемого вида преступности в Российской Федерации, а также отмечено реальное отсутствие снижения влияния на преступность несовершеннолетних ее классической детерминационной базы.

Рассмотрены статистические показатели назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде лишения свободы (в том числе условно) как на федеральном, так и на региональном (Иркутская область) уровне. Определена как статистическая, так и реальная закономерность распространенности назначения именно наказания в виде лишения свободы из всего перечня наказаний, которые могут быть, в силу ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, назначены лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Приведен ряд аргументов, подтверждающих отсутствие должного уровня эффективности наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. При этом высказано мнение о том, что лишение свободы в его реальном формате назначения и исполнения, пожалуй, единственный вид уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, который отвечает критериям именно уголовного наказания, и, по сути, единственный вид наказания, реально позволяющий проводить предупредительную (в широком смысле) работу с несовершеннолетним осужденным.

На основе анализа демографических данных и показателей количества совершаемых несовершеннолетними административных правонарушений

♦ **Прозументов Лев Михайлович** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: krim_tsu@mail.ru.

Сутурин Михаил Александрович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: mialsu@yandex.ru.

определены негативные тенденции преступности несовершеннолетних. Проведен анализ соотношения целей уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства с целями Концепции развития УИС РФ до 2020 года. Рассмотрены объективные возможности реального достижения целевой составляющей Концепции развития УИС РФ в отношении несовершеннолетних с позиции учета личностных особенностей несовершеннолетнего преступника.

Ключевые слова: несовершеннолетний; личность; наказание; лишение свободы; преступность; рецидив преступлений; справедливая мотивация; осужденный; девиантное поведение; система исполнения наказаний.

Преступность несовершеннолетних и меры по ее предупреждению традиционно являются объектами пристального внимания со стороны ученых и практиков. Этот интерес объективно обусловлен как реальной повышенной общественной опасностью данного вида преступности, так и тем социально негативным потенциалом, который таит в себе криминальное поведение подрастающего поколения. Преступность несовершеннолетних опасна тем, что выступает своеобразной «рекрутской» базой существования и развития взрослой преступности.

Так, правонарушающее, в том числе преступное, поведение несовершеннолетних является своеобразным индикатором здоровья общественного организма. Статистические показатели такого поведения и результаты его выборочных исследований позволяют прогнозировать (с высокой степенью вероятности) будущее состояние, структуру и динамику всей преступности в стране либо регионе и, соответственно, разрабатывать конкретные рекомендации (не только доктринального, но и практического содержания) по реальному предупредительному воздействию на это негативное социальное явление.

Последние годы официальные статистические показатели преступности несовершеннолетних вселяли определенный оптимизм в умозаключения некоторых видных политиков, представителей общественности и нередко науки.

Официальная статистика констатировала снижение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, впрочем, как и снижение зарегистрированной преступности в целом. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, начиная с 2005 г. и все последующие периоды число регистрируемых преступлений данного вида неуклонно снижалось: 2005 г. - 154 700 преступлений; 2006 г. - 150 300; 2007 г.

- 139 100; 2008 г. - 116 100; 2009 г. - 94 700; 2010 г. - 78 500; 2011 г. - 71 900; 2012 г. - 64 300 преступлений [14].

Подобного рода ситуация обосновывалась отнюдь не достижениями в области предупреждения преступности несовершеннолетних, снижения действия ее классической детерминационной базы (что и позиционировалось некоторыми), а объективной демографической ситуацией, заключавшейся в количественном снижении данной возрастной группы в рассматриваемые периоды. Однако в 2013 г. число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, выросло до 67 200, что на 2 900 (+4,5 %) преступлений больше, чем в 2012 г. [4].

По нашему мнению, данные за 2013 г. продемонстрировали отсутствие реального и эффективного решения проблемы преступности несовершеннолетних (даже на уровне количественных показателей).

Анализ демографической и административно-правовой статистики позволяет прогнозировать негативные тенденции относительно рассматриваемого вида преступности. Официальные демографические данные показывают, что возрастная группа малолетних, не достигших возраста головной ответственности, т.е. 11-13-летние, представлена количественно в большей степени, чем это было, например, несколько лет назад. Иначе говоря, в общем статистическом выражении лиц, которые потенциально в силу возраста могут стать субъектами преступлений, по различного рода причинам стало объективно больше. И, как показывает практика, определенная часть этих лиц, достигнув возраста уголовной ответственности, к сожалению, встает на путь совершения преступлений.

Анализ данных (по Иркутской области) о количестве административных правонарушений, числе несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел, количестве направленных в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) материалов, числе несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки и т.д., свидетельствует о тенденции к увеличению негативных девиантных форм поведения несовершеннолетних. Так, по данным аналитического отчета, предоставленного администрацией Иркутской области Уполномоченному по правам ребенка в РФ П. Астахову, количество лиц, состоявших на учете в ПДН в 2013 г., по сравнению с 2012 г. выросло на 1,6 %; число материалов, направленных в КДНиЗП, за аналогичный период стало больше на 5 %; количество употребляющих спиртные напитки увеличилось на 7,3 %.

Изложенное выше с известной степенью условности (если, например, не изменится действующее уголовное законодательство в аспекте ответственности

несовершеннолетних) позволяет прогнозировать ухудшение в ближайшей перспективе количественных (а возможно, и качественных) показателей преступности несовершеннолетних. Кроме того, о подобного рода прогнозе свидетельствует отсутствие, по нашему мнению, объективных оснований для улучшения социально-экономического, социально-психологического климата в государстве и т.д.

В этой связи не теряют своей актуальности вопросы, относящиеся к необходимости организации реального предупреждения преступности несовершеннолетних. Одним из формальных инструментов предупредительной деятельности является уголовное наказание. Исчерпывающий перечень уголовных наказаний, которые могут быть применены в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, закреплен в ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации. Не ставя перед собой задачу их всестороннего анализа, позволим себе лишь остановиться на некоторых интересующих нас исходя из заявленной тематики моментах.

Несмотря на то, что вектор уголовной и уголовно-исполнительной политики государства как в целом, так и в отношении несовершеннолетних в аспекте назначения и исполнения уголовных наказаний направлен на расширение применения альтернативных (общепринятая терминология) лишению свободы наказаний, само наказание в виде лишения свободы было и остается самым назначаемым (как реально, так и условно (ст. 73 УК РФ)) видом наказания. Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 г. из 32 572 осужденных несовершеннолетних более 18 000 было назначено наказание в виде лишения свободы (5 053 несовершеннолетних было осуждено к реальным срокам наказания, 13 531 несовершеннолетнему было назначено наказание в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ). В 2013 г. из 29 200 осужденных несовершеннолетних более 16 000 было назначено наказание в виде лишения свободы (4 604 несовершеннолетних было осуждено к реальным срокам наказания, 11 479 несовершеннолетним было назначено наказание в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ) [9].

Сходная ситуация наблюдается и на региональном уровне. По данным Управления Судебного департамента в Иркутской области [13], в 2012 г. в регионе из 754 осужденных несовершеннолетних лишение свободы было назначено 506 (98 осуждено реально и 408 - условно). В 2013 г. из 811 осужденных к реальным срокам лишения свободы было приговорено 98 несовершеннолетних, 462 несовершеннолетних были осуждены условно (всего 560 человек). При этом достаточно высоким остается процент вновь осуждаемых несовершеннолетних, ранее имевших судимость. Так, в 2012 г. было осуждено 170 ранее судимых несовершеннолетних (всего осуждено 754

человека); в 2013 г. эта цифра составила 166 несовершеннолетних (всего осуждено 811 человек).

Не вдаваясь в детальный анализ причин подобного рода «популярности» рассматриваемого вида наказания (причем не только в нашей стране [17]), отметим следующее. Во-первых, результаты проводимых исследований, посвященных вопросам уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и вопросам лишения свободы, назначаемого условно, свидетельствуют о невысокой степени их эффективности и нередко о повышенном уровне рецидивоопасности [1; 4; 6; 8; 11; 12; 15; 19].

Во-вторых, по нашему мнению, наказание в виде лишения свободы (причем реального лишения свободы), пожалуй, единственный вид уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, который отвечает критериям именно уголовного наказания.

В-третьих, как показывает практика, лишение свободы в реальном формате его назначения и исполнения, по сути, единственный вид наказания, который действительно позволяет проводить предупредительную (в широком смысле) работу с несовершеннолетним осужденным.

В связи с вышесказанным вопросы назначения и исполнения в отношении несовершеннолетних наказания в виде лишения свободы были и остаются весьма актуальными.

В настоящей работе мы обратим внимание только на один аспект, связанный с перспективой рассматриваемого варианта уголовной ответственности в отношении специфичной возрастной категории лиц, совершающих преступления. И этот аспект связан с реальными возможностями достижения заявленных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее - Концепция) целей (утверждена распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р). Однако при анализе положений Концепции не совсем понятным остается целый ряд аспектов, как минимум дискуссионных. Во-первых, насколько, при предполагаемой практической реализации Концепции, учитываются базовые (фундаментальные) положения действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Во-вторых, к сожалению, «традиционным» остается, пожалуй, главный вопрос о реальном учете личностных особенностей несовершеннолетнего преступника как при назначении, так и при исполнении наказания. В-третьих, абсолютно неясным представляется положение о создании справедливой и контролируемой системы мотиваций (что это такое?). В-четвертых, в какой степени система исполнения наказаний готова к достижению заявляемых в Концепции целей. И, соответственно, в-пятых, насколько реалистична реализация положений Концепции при организации

исполнения наказания в виде лишения свободы в целом и в отношении несовершеннолетних осужденных (как сугубо специфичной возрастной категории лиц, которая, в том числе формально, делится на две подгруппы) в частности. Говоря о базовых положениях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и их соотношении с положениями Концепции, мы остановимся на рассмотрении целей уголовного наказания, целей уголовно-исполнительного законодательства и целей Концепции развития УИС.

Формально закрепленными целями уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), как известно, выступают восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Уголовно-исполнительное законодательство в качестве своих целей в ч. 1 ст. 1 УИК РФ закрепляет (возможно, несколько пролонгируя положения ч. 2 ст. 43 УК РФ) исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Разработчики Концепции в качестве ее целей закрепили следующее:

– повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

– сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

– гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Проводя сравнение целевой составляющей уголовного наказания, его исполнения и Концепции, нужно иметь в виду следующее.

По нашему мнению, нельзя рассматривать эти категории в отрыве друг от друга, что и наблюдается даже при поверхностном анализе положений закона и Концепции. Кроме того, как минимум возникают некие противоречия, выраженные в следующем. Во-первых, почему-то в Концепции абсолютно не идет речь о достижении цели социальной справедливости. С нашей точки зрения, данная цель должна реализовываться не только в отношении государства, общества или конкретного потерпевшего от преступления, но и в отношении осужденного.

Социальная справедливость должна достигаться в том числе и вынесением законного, справедливого (для всех сторон) приговора суда, да и исполнение наказания, как представляется, должно быть справедливым. Во-вторых, в

Концепции говорится о цели сокращения рецидива преступлений (при этом в отношении, например, несовершеннолетних этот термин, с точки зрения буквы закона, вообще неупотребим), совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Стало быть, в отношении осужденных к иным видам наказания, не связанным с лишением свободы, данная цель неприменима? В-третьих, разработчики Концепции вообще не упоминают цель исправления осужденных, видимо, «растворив» ее в определении цели сокращения рецидива преступлений. Однако если это действительно так, наблюдается смешение цели исправления и цели предупреждения новых преступлений, причем цели эти формально закреплены как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном законодательстве.

Представляется, что именно здесь наблюдается в том числе «традиционное» (с практической, а не с формальной точки зрения) ретуширование необходимости учета (как при назначении, так и при исполнении наказания) личности осужденного (в особенности личности несовершеннолетнего осужденного), поскольку, как показывает практика и многочисленные криминологические исследования, в подавляющем большинстве случаев абсолютно не учитываются положения действующего уголовного законодательства. Мы имеем в виду положения ч. 3 ст. 60 и ч. 1 ст. 89 УК РФ. При этом в настоящей работе мы не ставим задачей рассмотрение серьезной, по нашему мнению, проблемы, связанной с тем, что к ответственности привлекается субъект преступления, наказание назначается с учетом личности виновного и исполняется с учетом личности осужденного. Так, при привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности закон не требует, например, учета влияния на него старших по возрасту лиц, а при назначении наказания наблюдается обратная ситуация (ст. 89 УК РФ). Ведь преступление в первую очередь совершает не субъект (формальная категория), а личность, со своими особенностями социально-типологических, социально-ролевых и нравственно-психологических характеристик.

Но ведь исправлять и предупреждать (формально закрепленные положения) мы должны именно личность несовершеннолетнего как центральную категорию всего механизма реализации уголовной ответственности и предупреждения преступности. Среди специалистов, действительно занимающихся проблемами преступности несовершеннолетних, общепризнанным является тезис о том, что рецидив преступлений (как у взрослых, так и особенно у несовершеннолетних) растет именно потому, что абсолютно не учитывается личность лица, совершившего преступление.

Кроме того, в Концепции идет речь о необходимости создания справедливой и контролируемой системы мотиваций осужденных, в том числе,

видимо, осужденных несовершеннолетних. Данное предложение также представляется весьма критичным. Во-первых, не вдаваясь в глубокий психологический анализ, отметим, что данная категория - справедливая и контролируемая система мотиваций - не совсем понятна с точки зрения ее формулировки. Например, для кого эта система должна быть справедливой? Для органов исполнения наказаний? Но они, в силу должностного положения поставлены в определенные формальные рамки. Для осужденных? Но ведь категория «справедливость» чаще всего носит субъективный характер. А результаты исследований личности осужденных (неважно, взрослых или несовершеннолетних, осужденных к разным видам наказаний) свидетельствуют о том, что правовое и нравственное сознание (что в большей степени применимо к оценке категории «справедливость») у них существенно деформировано. Во-вторых, разработчики Концепции абсолютно не учитывают того, что взрослый осужденный и осужденный несовершеннолетний как с точки зрения мотивационной сферы совершения преступления, так и с точки зрения мотивационной составляющей при назначении и отбытии уголовного наказания - абсолютно разные категории. Об этом говорит достаточно большое число проводимых исследований в области предупреждения преступности несовершеннолетних. В-третьих, по нашему мнению, процесс и результат создания (формирования) справедливой системы мотиваций у несовершеннолетних - это не задача органов и учреждений исполнения уголовных наказаний, а объективно возложенная на первичные (и самые значимые) институты социализации - семью, школу, ближайшее окружение и т.д. - обязанность. Здесь мы усматриваем нарушение одного из базовых принципов - принципа научной обоснованности. Многочисленные научные исследования демонстрируют, что именно деформационные негативные изменения в данных институтах и выступают основной детерминационной составляющей преступности несовершеннолетних (а на сегодняшний день и взрослых). Исходя из вышесказанного подобного рода заявления (создание справедливой и контролируемой системы мотивации осужденных) представляются крайне скептичными.

Презюмируя некую иллюзорную возможность достижения рассматриваемой цели, следует отметить еще один аспект. А насколько система исполнения наказаний как основной субъект реализации Концепции готова к практическому решению выдвигаемых (на уровне принятия и формального закрепления) задач?

Наблюдаемая достаточно давно ситуация свидетельствует о следующем. Организационно, методически, ресурсно (в широком смысле этого слова) система исполнения наказаний не готова к решению крайне социально важных

задач, от решения которых (успешного или не совсем успешного) зависит как минимум состояние, структура и динамика преступности как некой социальной пандемии. И в первую очередь это обосновывается опять же тем, что «традиционно» государство, правоприменитель крайне поверхностно относятся к учету именно личности лица, совершившего преступление, личности осужденного. Подобного рода вывод основывается на результатах исследований, в том числе зарубежных, именно личности [7; 10; 11; 16; 18; 20], личности, формально наделенной статусом, например, осужденного.

Говоря о личности несовершеннолетнего осужденного, мы, в подтверждение результатов многих исследований [5], в очередной раз констатируем следующее. Исходя из анализа как федеральной, так и региональной практики несовершеннолетний, характеризующийся негативным девиантным поведением, попав «под прицел» правоприменительной системы, изначально никому не нужен. То есть, проведя необходимую (с точки зрения формального выполнения своих обязанностей) работу, тот или иной орган передает несовершеннолетнего по цепочке, как правило, в прямой зависимости от его поведения, которое по нарастающей становится все более общественно опасным. Обычно механизм выглядит следующим образом. Неоднократное нарушение несовершеннолетним закона приводит его к неоднократному рассмотрению его поведения на заседаниях КДНиЗП. Затем, как правило, несовершеннолетний ставится на учет в подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Далее, формально совершив преступление, несовершеннолетний ставится на учет в уголовно-исполнительную инспекцию (в связи с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или лишением свободы, назначенным условно). После совершения повторного преступления несовершеннолетний, получив реальный срок лишения свободы, прибывает в воспитательную колонию для отбывания наказания. Именно в данном учреждении (мы говорим о сегодняшней ситуации) и планируется, с точки зрения разработчиков Концепции, проведение качественной работы с осужденным в аспекте достижения целей Концепции, а не целей уголовного наказания и не целей уголовно-исполнительного законодательства.

Однако криминологический анализ правоприменительной практики (например, изучение личных дел осужденных несовершеннолетних), результаты многочисленных научных исследований позволяют констатировать следующее. В подавляющем большинстве случаев при оценке личности несовершеннолетнего (несовершеннолетнего с негативным девиантным, затем правонарушающим и, к сожалению, логично, преступным поведением), условий его проживания, обучения и т.д. наблюдается исключительно

формальный подход со стороны правоприменителя. При этом чаще всего абсолютно не реализуются формально закрепленные, например, в ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [2] положения, касающиеся организации работы с несовершеннолетним правонарушителем.

А подобного рода ситуация изначально ставит в ущербное положение как эффективность организации работы с несовершеннолетним, так и тот позитивный искомый результат, к которому формально стремятся разработчики Концепции.

Не ставя под сомнение необходимость реформирования системы исполнения наказаний, отметим следующее. Вышеизложенное как минимум вызывает скептичное отношение к реалистичности достижения заявляемых в Концепции развития УИС целей. Проведенный в настоящей работе анализ позволяет (в очередной раз) констатировать, что определение и исполнение вида наказания для несовершеннолетних должно проецироваться не столько на тяжесть и общественную опасность совершаемых несовершеннолетними преступлений, сколько на особенности личности несовершеннолетнего, совершающего преступление. С учетом именно совокупности в первую очередь индивидуальных, личностных особенностей и во вторую - правовых можно осуществлять более эффективную предупредительную работу, что и является одной из основных целей, на достижение которой и направлена реализуемая Концепция развития УИС РФ до 2020 года.

Библиография

1. Лисаускайте В.В. Применение альтернативных санкций в отношении несовершеннолетних осужденных / В.В. Лисаускайте // Охрана прав несовершеннолетних и развитие альтернативных наказаний: сравнительно-правовые аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Томск, 2006 г.) / под ред. В.А. Уткина, Ф. Дюнкеля; Том. гос. ун-т. - Томск, 2008. С. 42–46.

2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 // Российская газета. - 2011. 11 февр.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
4. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 159 с.
5. Прозументов Л.М. Административно-правовое предупреждение правонарушений и преступлений несовершеннолетних / Л.М. Прозументов. Томск: Пеленг, 2001. 88 с.
6. Прозументов Л.М. Некоторые проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних / Л.М. Прозументов, М.А. Сутурин // Уголовное право. 2011. № 2. С. 69–75.
7. Прозументов Л.М. Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности / Л.М. Прозументов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 104 с.
8. Рогова Е.В. Применение исправительных работ к несовершеннолетним / Е.В. Рогова // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. / под ред. А.Л. Репецкой. Иркутск, 2003. Вып. 1. С. 191-198.
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. — Режим доступа: http://www.cdep.ru.
10. Сутурин М.А. Обязательные работы в отношении несовершеннолетних / М.А. Сутурин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 167 с.
11. Тараленко К.Н. Рецидивная преступность среди условно осужденных несовершеннолетних и ее предупреждение / К.Н. Тараленко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 137 с.
12. Тараленко К.Н. Содержание наказания в виде обязательных работ / К.Н. Тараленко // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сб. материалов Междунар. конф., Москва, 29-30 мая 2002 г. / Упр. по Восточ. Европе и Центр. Азии Департамента междунар. развития Великобритании. М., 2002. С. 67-71.
13. Управление Судебного департамента в Иркутской области [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — Режим доступа: http://www.usd.irk.sudrf.ru.
14. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — Режим доступа: http://www.gks.ru.
15. Kingsnorth R.F. Criminal charge or probation violation? Prosecutorial discretion and implications for research in criminal court processing / R.F. Kingsnorth, R.C. MacIntosh, S. Sutherland // Criminology. — 2002. Vol. 40, № 3. P. 553-557.

16. Marshuba M.A. On the issue countent and scope of the notion of the personality of juvenile violent lucrative delinquent / M.A. Marshuba // Теорія і практика правознавства. 2013. № 2 (4). С. 56.
17. Romanov M.V. Features of serving the sentence of imprisonment convicted juveniles / M.V. Romanov // Теорія і практика правознавства. 2011. № 1. С. 42.
18. Sprott Ja.B. Do youthful offenders reject adult punishment norms / Ja.B. Sprott // Canadian journal of criminology and criminal justice. 2003. № 2. P. 243.
19. Suturin M. The practice of application of alternatives to imprisonment sanctions in the Irkutsk region / M. Suturin // Protection of minors and the development of alternative sentencing: a comparative legal aspects / ed. by V. Utkin, F. Dunkel. — Tomsk : Print factory, 2008. P. 46-52.
20. Vodnik V.D. Social description of juvenile criminals (from data of research in Kharkov) / V.D. Vodnik // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Сер.: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 1 (11). С. 306-316.